

Глава 12

ЛЕНИН: “ВЫСЛАТЬ ЗА ГРАНИЦУ БЕЗЖАЛОСТНО”

Одно из самых позорных деяний большевиков — высылка за пределы Советской России осенью 1922 года крупнейших российских философов, литераторов, ученых.

Акция эта проводилась чекистами в срочном порядке, в то время, когда Ленин тяжело болел и в столице не появлялся более четырех месяцев. По этой причине публицисты на рубеже 80-90-х годов выводили Ленина из круга “подозреваемых”, направляя ход своих изысканий на выяснение вопроса: кто же из двух большевистских лидеров являлся инициатором высылки — Зиновьев или Троцкий? Ведь Зиновьев часто грозил интеллигенции в статьях и речах, а на проходившей в начале августа 1922 года XII Всероссийской конференции РКП(б) по его докладу была принята резолюция об антисоветских партиях и течениях, в которой, в частности, указывалось, что “нельзя отказываться и от применения репрессий... по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции”. Зиновьев с негодованием сообщил участникам конференции, что в одной из библиотек красных курсантов найден изданный за рубежом “Дневник” Зинаиды Гиппиус. Тот самый дневник, в котором поэтесса предрекала наступление дня, в который большевиков “в молчании повесят”.

Впервые о предстоящей высылке было объявлено 29 августа 1922 г. на пленуме Петросовета. Эмигрантская газета “Руль” прямо указывала: “Инициатор высылки Зиновьев на

заседании Петроградского Совдепа заявил: “Найдутся люди на Западе, которые заступятся за обиженных интеллигентов. Возможно, что Максим Горький снова начнет нас поучать, что Советской России нужна интеллигенция, но мы знаем, что делаем. Рабочий класс не позволит никому, даже лучшему спецу, сесть ему на шею”. Эти слова Зиновьева были встречены депутатами с одобрением”.

По словам фактического диктатора Петрограда, “значение акта, предпринятого против части интеллигенции, можно кратко сформулировать словами, что кто не с нами, тот против нас”. Видимо, чувствуя сомнительность своих доводов, Зиновьев вынужден был признать, что высылка специалистов из страны, и без того бедной культурными силами, вызовет негативные последствия, но при этом попытался их приуменьшить. В одном из последующих номеров газета еще раз цитировала Зиновьева: “Мы прибегаем сейчас к гуманной мере, к высылке, мы можем прибегнуть и не к столь гуманной мере, мы сумеем обнажить меч. Все попытки собрать силы на основе нэпа мы будем разбивать на каждом шагу”.

Таким образом, можно сделать вывод, что большевистские лидеры опасались свободомыслящих интеллигентов как возможной идеологической опоры “нэпманов”.

А Троцкий, которого высланные писатель Михаил Осоргин и литературный критик Юлий Айхенвальд однозначно считали инициатором высылки, дал 30 августа 1922 г. пророческое интервью вдове автора известной книги “10 дней, которые потрясли мир” Джона Рида, американской журналистке Луизе Брайант: “Те элементы, которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены — все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага и мы будем вынуждены расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сами в спокойный период выслать их заблаговременно, и я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность”... В 1929 году подобной высылке подвергнется сам Троцкий.

Действительно, в лихую сталинскую годину цвет отечественной науки и культуры уничтожался физически. И невольно возникает мысль — лучше бы выслали в 1922 году философа-богослова Павла Флоренского и поэта Осипа Мандельштама, крупнейшего ученого-биолога Николая Вавилова и теоретика кооперативного движения Николая Кондратьева, выдающихся театральных деятелей Всеволода Мейерхольда и Леся Курбаса, множество других, которых “стерли в лагерную пыль”.

Существовавшая легенда связывала прекращение огульных нападок в прессе на интеллигенцию с возвращением Ленина к работе в начале октября 1922 года. Складывалось впечатление, что он был против крайностей и лишь болезнь помешала предотвратить нежелательные эксцессы. Но истина рано или поздно все же пробивает себе дорогу.

Автор этой книги в 1991 году впервые опубликовал письмо Ленина Сталину из “секретного” фонда от 17 июля 1922 г. (“Выслать за границу безжалостно”, “Деморатическая газета”, № 23, ноябрь 1991 г.), которое однозначно свидетельствует — именно глава большевистского правительства был инициатором позорной высылки. Письмо хранилось в копии, переписанной рукой Генриха Ягоды на бланке заместителя начальника Секретно-Оперативного Управления ГПУ, на ней стоит резолюция: “т. Дзержинскому с возвратом. Сталин”. Этот документ — новое опровержение мифа о “либерализме” вождя:

“Т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, н[ародных] с[оциалистов], кадетов и т.п. я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отъезда, не закончена и сейчас. Решено ли “искоренить” всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др.?

По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

То же А.Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники “Экономиста” (Озеров и мн[огие], мн[огие] другие). Ме[ньшеви]ки Розанов (врач, хитрый), Вигдорчик, (Мигуль или как-то в этом роде). Любовь Никол[аевна] Радченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма); Н.А. Рожков (надо его выслать; неисправим); С.Л. Франк (автор “Методологии”). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. (С. Мессинг —

член коллегии ГПУ, В.Манцев — председатель ГПУ Украины. — А.Л.) должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго.

Насчет Лежнева (бывший “День”) очень подумать: не выслать-ли? Всегда будет коварнейшим, насколько я могу судить по прочитанным его статьям. Озеров, как и все сотрудники “Экономиста” — враги самые беспощадные. Всех их — вон из России.

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!

Всех авторов “Дома литераторов”, Питерской “Мысли”; Харьков обшарить, мы его не знаем, это для нас “заграница”. Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров.

Обратите внимание на литераторов в Питере (адреса, “Новая Русская Книга”, № 4, 1922 г., с.37) и на список частных издательств (стр.29).

С к[оммунистическим] прив[етом] Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1338).

Письмо носит тем более сенсационный характер, что у Ленина в конце мая 1922 года на почве склероза сосудов мозга был первый острый приступ болезни, приведший к ослаблению движений правых конечностей и потере речи. 28 мая лечивший Ленина врач А.М.Кожевников записал, что пациент почти не мог сказать целиком ни одной фразы, не знал, как воспользоваться зубной щеткой — брал за щетину.

Болезнь застала вождя в Горках, где он затем находился под наблюдением врачей в течение четырех месяцев и практически вынужден был впервые отойти от непосредственного каждодневного руководства страной и партией. За первые полтора месяца болезни он не смог сочинить ни строчки. И лишь 13 июля пишет первую записку секретарю Совнаркома Фотиевой: “Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который **начинает** становиться человеческим” (54;273). В этот же день впервые после приступа Ленину разрешаются прогулки в саду и парке. Но читать ему было еще запрещено. 17-го июля Ленин пишет вышеприведенное письмо Сталину, а на следующий день направляет ему записку:

“Т.Сталин! Очень внимательно обдумал Ваш ответ и не согласился с Вами. Поздравьте меня: получил разрешение на газеты! С сегодня на старые, с воскресенья на новые!” (54; 273).

Что конкретно вызвало несогласие Ленина — выявить не удалось. Но можно смело предположить — разногласия эти касались каких-то частных в непосредственном планировании высылки ученых, которое Ильич буквально “выстрадал” в течение последних месяцев болезни. По всей видимости, это дело мучило его и позднее, не давая покоя. Об этом свидетельствует запись лечащего врача от 21 июля: “Задачи, чтение, письменное изложение хуже обычного, некоторые фразы извращены по смыслу, почерк хуже”.

Извращены по смыслу... Именно от состояния здоровья вождя окажутся в прямой зависимости сроки высылки, а в конечном счете и судьбы сотен наших выдающихся соотечественников. Хотя пик кампании по высылке интеллигенции за рубеж приходился, безусловно, на вторую половину 1922 года, но к мысли этой Ленин пришел значительно раньше. Еще в марте 1919 года Ленин поведал свои далеко идущие планы американскому журналисту Линкольну Стеффенсу: “Мы должны найти какой-то путь, как избавиться от буржуазии, высших классов. Они не дадут нам совершить никакие экономические перемены, на которые они не пошли бы до революции; поэтому их надо вышибать отсюда. Сам я не вижу, как мы можем испугать их так, чтобы они убрались из России без массовых расстрелов. Конечно, находясь за границей, они будут представлять собой такую же угрозу; однако эмигранты не столь вредны. Единственное решение я вижу в том, чтобы угроза красного террора способствовала распространению ужаса и вынуждала их бежать. Однако как бы это ни делалось, сделать это необходимо. Если вы хотите достичь целей, которые ставит перед собой революция, то абсолютную, инстинктивную оппозицию, старых консерваторов и даже твердых либералов надо заставить замолчать”.

Характерно, что Ленин нашел впоследствии удобный способ “заставить замолчать” даже близких соратников, отправляя их на длительный срок в советские посольства или в глухую провинцию. Так, 19 января 1922 г. Ленин писал нар-

кому внешней торговли Л.Красину, представлявшему Советскую Россию в Англии:

“Т.Красин!

Насчет Ларина к решению Политбюро от 17.І. добавляю:

1. Держите его в Лондоне **как можно дольше**.
2. Если поверите хоть одной его цифре, прогоним со службы.

3. Берегите его здоровье, лечите лучше, назначьте **ответственного** врача.

4. Займите его **длительной литературной** работой по **немецким и английским** материалам (если не знает, выучите английскому языку).

Пункты 1, 3 и 4 провести особо строго и **особо тактично**. Пункт 2 — втройне строго.

С ком. приветом Ленин” (54; 127-128).

Второй пример — примечательный диалог, состоявшийся в ходе выступления Сталина “Группа Бухарина и правый уклон нашей партии” в начале 1929 года:

“Сталин: ...Говорят, что Ленин наверняка поступил бы мягче, чем поступает теперь ЦК в отношении Томского и Бухарина. Это совершенно неверно... Как поступал Ленин в таких случаях — припомните-ка. Разве не помните, что товарищ Ленин из-за одной маленькой ошибки со стороны Томского угнал его в Туркестан.

Томский: При благосклонном содействии Зиновьева и отчасти твоём.

Сталин: Если ты хочешь сказать, что Ленина можно было убедить в чем-нибудь, в чем он сам не был убежден, то это может вызвать лишь смех...”

Иногда, под настроение, Ленин считал наказанием не высылку за рубеж, а, наоборот, запрещение выезда. Об этом свидетельствует, например, записка вождя от 9 марта 1920 г. из “секретного” фонда со ссылкой на Андрееву — гражданскую жену М.Горького: “М.Ф.Андреева утверждает, что все врет (имеет и деньги, много, и **белый хлеб**). Пускать нельзя: наклеветет и поможет белым”. О ком конкретно шла речь — выяснить не удалось, но скорее всего, это был какой-то деятель искусства, ибо Андреева много месяцев занимала пост комиссара театров и зрелищ Петрограда.

Наконец, уже в 1995 году в журнале “Источник” впервые опубликованы документы, которые свидетельствуют, что Ленин несет прямую персональную ответственность за преждевременную смерть великого поэта Александра Блока. Одна за другой направлялись вождю ходатайства — выпустить поэта, больного цингой, астмой, тяжелым нервным расстройством — в санаторий в Финляндии. Если бы Ленин проголосовал вместе с Троцким и Каменевым на заседании политбюро ЦК РКП(б) 12 июля 1921 г. за разрешение Блоку выехать в санаторий — медицинская помощь тому была бы своевременно оказана, но вождь был непреклонен — он требует отклонить ходатайство Луначарского и Горького. Результат известен — Блок уничтожает часть своих записных книжек, отказывается от приема лекарств и еды, постоянно просит родных об уничтожении экземпляров поэмы “Двенадцать”. И 7 августа умирает, будучи в полном сознании, что опровергает еще один большевистский миф о сумасшествии поэта. Данное Блоку по настоянию Каменева разрешение на выезд за границу опоздало и помочь уже не могло.

После введения в Советской России нэпа у руководства большевиков оказались ограниченными возможности ограбления и уничтожения богатых крестьян в сельских районах и владельцев капиталов — купцов, лавочников, ремесленников — в городах. И Ленин приступает к ограблению церкви и уничтожению священнослужителей, а также “изъятию” из общества интеллигенции, не придерживавшейся марксистских догм.

Например, 21 февраля 1922 г. вождь дает указание Сталину и Каменеву относительно Московского высшего технического училища, профессора которого требовала большей самостоятельности: “...уволить 20-40 профессоров обязательно. Они нас дурачат. Обдумать, подготовить и ударить сильно” (54; 177).

Далее ход “обдумывания” у Ленина, по-видимому, был следующий — ну, предположим, поувольняем из университетов и институтов всю профессию. И расползутся они по стране, найдут пристанище в провинциальных учебных заведениях, куда карающая рука большевистской инквизиции неизвестно когда еще дотянется. А уничтожать всех профессоров — значит, вызвать новый подъем антисоветских кам-

паний в странах Запада, с которыми Советская Россия жаждет установить дипломатические и торговые отношения. Выход напрашивается сам собой — “инакомыслящих” высылать за границу!

Объединяло высылаемую интеллигенцию лишь одно качество — независимый образ мыслей. А к этому Ильич был непримирим. Нужно отдать должное — он своевременно почувствовал угрозу, направленную в условиях нэпа против безграничной диктатуры руководимой им партии. Закончилась гражданская война с ее 13 миллионами жертв. Казалось, позади остался страшный голод 1921 года, унесший пять с лишним миллионов человеческих жизней. Появились первые признаки возрождения духовной жизни общества и народа. К этому времени число частных и кооперативных издательств в одной только Москве перевалило за полторы сотни. Оживилась работа клубов и кружков, лекции известных ученых и открытые диспуты собирали массовые аудитории. На фоне “пролетарской культуры” появляются несколько независимых союзов писателей, товарищества поэтов, художников. В разных губернских центрах возникают философские, исторические и психологические общества. Московский Совет зарегистрировал, например, созданную Н.Бердяевым Вольную Академию духовной культуры.

Привлеченные первыми шагами новой экономической политики, на родину возвращаются десятки тысяч беженцев, покинувших Россию в годы гражданской войны.

Политическая атмосфера напоминала послесталинскую “оттепель”. Но уже 6 марта 1922 г. Ленин обратился к тем, кто не соглашался безоговорочно поддерживать большевиков: “Вы вызвали нас на борьбу в самой отчаянной форме в октябре, в ответ на это мы выдвинули террор и тройной террор, а если еще потребуется, выдвинем и еще, если вы попробуете еще раз” (45; 9). Вождь будто забыл, что в октябре 1917 года большевистскому перевороту не было оказано почти никакого сопротивления.

27 марта 1922 г. в политическом отчете XI съезду РКП(б) Ленин подчеркнул: “Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — пе-

регруппировка сил” (45; 87). Частью этой “перегрруппировки” и являлось изгнание из страны представителей интеллигенции, которые хотя не принимали участия, как тогда говорилось, в “контрреволюционной деятельности” (иначе они попадали бы “под ревтрибунал”), но и не одобряли большевистского террора.

Не в связи ли с этими задачами ВЧК была реорганизована в Главное Политическое Управление? Нарком просвещения Луначарский в середине 20-х годов в своих лекциях цинично объяснял, что большевикам нужны только стоящие вне политических интересов специалисты: “Такого рода человек тем ценнее при данных условиях, чем он безыдейнее. Так и мы: если у спеца какого-нибудь, например, инженера, много идей, это хуже, ибо эти идеи мешают использовать в достаточной мере для работы такой элемент. А вот когда у него нет никаких идей, тогда его можно пустить в работу”...

Но как лучше узаконить такой вид наказания, как “высылка”? Конечно, оно было не такое уж новое. Из родных городов высылались в античные времена Овидий, в средневековые — Данте. Еще в древней Греции был изгнан из Афин философ Анаксагор, один из учителей Сократа, обвиненный в растлении молодежи вредными высказываниями. И, по сути дела, много столетий спустя Ленин повторял те же обвинения в адрес лучших умов России. Предварительно они были заклеены Лениным, знавшим, видимо, формулу Платона: “нет политики без философов”. Например, Николай Бердяев, Семен Франк и Федор Степун были выслааны за издание в Москве в 1922 году сборника статей “Освальд Шпенглер и закат Европы”, в котором оспаривалась идея предопределенности социализма. После прочтения книги Ильич незамедлительно связывается с руководством ГПУ, в секретной записке от 5 марта 1922 г. дает оценку сборнику: “по-моему, это похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации” (54; 198). А спустя два месяца на страницах “Правды” подвергаются его разгромной критике “хныкающие” Шпенглеры и все способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане”, “извините за выражение, “шпенглерята” (45; 174, 175).

Но, видимо, первым “кандидатом на высылку”, имя которого Ленин обнародовал в этом качестве, был Питирим Сорокин, ставший за рубежом после изгнания известнейшим социологом, основателем научной школы. А пока в России в свои тридцать три года П. Сорокин был известен как автор двухтомной “Системы социологии”, как первый в стране профессор социологии, организатор и декан первого в российской истории факультета социологии (в 1919 году в Петроградском университете).

Еще в марте 1922 года в журнале “Под знаменем марксизма” вышла в свет ленинская статья “О значении воинствующего материализма”, которую Ильич завершил свирепым разгромом “некоего П.А. Сорокина” как автора статьи “Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию” в журнале “Экономист”. Как видно из приводимых Лениным цитат, вождя разгневали болезненные переживания Сорокина по поводу распада семьи, резкого увеличения числа разводов в Советской России. Нет сомнения, заявил Ленин, что “этот господин” вкупе с издателями журнала, в котором были опубликованы его «обширные якобы “социологические” исследования», относится к тем, кого следует называть “крепостниками, реакционерами”, “дипломированными лакеями поповщины”. А для просвещения юношества, по словам Ильича, “они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста”. В итоге вождь сетовал, что рабочий класс в России не научился еще пользоваться завоеванной им властью, “ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливо препроводил в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое подходящее место” (45; 31-33). Эту “миссию рабочего класса” — изгнание интеллигенции за рубеж — вождь решил взять на себя.

Во второй декаде мая 1922 года Ленин обращается по этому поводу с письмом к наркому юстиции (с целью правового обоснования предстоящей широкомасштабной высылки) и председателю ГПУ (непосредственному организатору высылки).

15 мая 1922 г. он дает указание наркому юстиции РСФСР Д. Курскому — внести в Уголовный Кодекс ряд дополнений.

Конкретно — “добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа на (срок или бессрочно)” и “добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы”. Здесь же Ленин считает нужным “расширить применение расстрела с заменой высылкой за границу” практически “ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т.п.”. Ленин давал указание Курскому — любую форму, любое направление деятельности оппозиционных партий свести к шпионажу, для чего “найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т.п.)” (45; 189).

А спустя четыре дня, 19 мая Ленин пишет письмо “железному Феликсу”, в котором дотошно разъясняет, какую подготовительную работу к изгнанию интеллигенции следует произвести карательным органам:

“т.Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, **требуя письменных отзывов** и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т.д.).

Собрать **систематические** сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Мои отзывы о питерских двух изданиях:

“Новая Россия” № 2. Закрыта питерскими товарищами.

Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам Политбюро и обсудить **внимательнее**. Кто такой ее редактор **Лежнев**? Из “Дня”? Нельзя ли о нем собрать сведения? Конечно, **не все** сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу.

Вот другое дело питерский журнал “Экономист”, изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! это *nota bene!*) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу.

Прошу показать это секретно, не размножая, членам Политбюро, с возвратом Вам и мне и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение.

19/V. Ленин” (54; 265-266).

Можно предположить, что это ленинское письмо положило начало сбору на Лубянке досье на каждого свободо-мыслящего интеллигента, которого следовало рассматривать как “пособника Антанты” и “военного шпиона”.

Хотя, обратим внимание — письмо изобилует довольно сдержанными высказываниями. Оно, по сравнению с последовавшим два месяца спустя письмом Сталину — едва ли не проявление терпимости. Вождь требует письменных отзывов членов политбюро на отдельные издания и книги, организацию “сбора систематических сведений” о всех формах деятельности (в настоящем и прошлом) “кандидатов на высылку за границу”.

Он опасается “наглупить” и особо подчеркивает, что подготовку высылки следует поручить чекисту “толковому, образованному и аккуратному” (в противовес поиску “людей потверже” для вешания пензенских крестьян). А спустя всего два месяца, за которые почти ничего не изменилось, кроме ухудшения состояния здоровья вождя — яростные указы Сталину: “искоренить всех энесов”, “выслать за границу безжалостно”, “всех их — вон из России”, “арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!”, “очистим Россию надолго”. И Советская Россия “очищалась” от интеллектуальных сил.

Видимо, без конкретного руководства вождя, который долгие недели после передачи 17 июля 1922 г. письма Ста-

лину был в тяжелом физическом и психическом состоянии, подготовительные меры к высылке интеллигенции не были столь уж активны. Лишь 10 августа вышло (запланированное Лениным в письме к Курскому) постановление ВЦИК об административной высылке, в пункте первом которого говорилось: “В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у Президиума ВЦИК разрешение на изоляцию свыше 2 месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке”. Второй пункт постановления возлагал решение о высылке отдельных лиц на особую комиссию при НКВД под председательством наркома внутренних дел. Должность эту тогда занимал председатель ГПУ Ф.Дзержинский. И в списках кандидатов на высылку, которые направлялись Ленину, решением именно этой комиссии предварительно предопределялась судьба каждого лица.

Конечно, не только Ленин и Зиновьев громили “кандидатов на высылку”. Шельмовали этих кандидатов и известные большевистские публицисты, и “рыцари пера” более низкого ранга. “Сегодня на “безбожном фронте” ругали философа Н.О.Лосского — вспоминал высланный петроградский журналист Н.Волковыский, — завтра — на “хозяйственном” Б.Д.Бруцкуса, послезавтра — на “идеолого-публицистическом” А.С.Изгоева или А.Б.Петрищева... Рубилось с плеча, доносилось — от всего продажного сердца”.

В качестве примера можно привести анонимную статью в “Правде” от 2 июня 1922 г. под программным заголовком “Диктатура, где твой хлыст?” Поводом для подлинной истерии послужила маленькая книжка через несколько месяцев изгнанного из России литературного критика и конституционного демократа Юрия Айхенвальда “Поэты и поэтессы”. “Книжка Айхенвальда насквозь пропитана трусливо-пресмыкающейся, гнилой, гневной ненавистью к Октябрю... Это философское, эстетическое, литературное, религиозное лизоблюдство, т.е. мразь и дрянь, — констатировала “Правда”, успокаивая далее читателя. — Но у диктатуры есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора бы заставить Айхенвальдов убраться за черту, в тот ла-

герь содержанства, к которому они принадлежат по праву со всей своей эстетикой и со своей религией”. По жестокой иронии судьбы его сын — молодой экономист “бухаринской школы” — посещал Берлин в надежде примирить своего “неисправимого отца” со сталинским режимом. Через несколько лет он погиб во время сталинского террора.

31 августа 1922 г. “Правда” помещает на первой странице под многозначительным заголовком “Первое предупреждение” сообщение о высылке “по постановлению Государственного политического управления (ГПУ) наиболее активных контрреволюционных элементов из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов в северные губернии. Часть за границу”. В сообщении не называлось цифр и фамилий, не ясно было, что считать более суровым наказанием — высылку “в северные губернии” или “за границу”. И явной ложью оказалась фраза: “среди высланных почти нет крупных имен”. Были — и немало.

Общее обвинение формулировалось следующим образом: “Определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с советской властью”. И далее в сообщении конкретизировались “опорные пункты” антисоветизма: “Важнейшей их цитаделью была высшая школа... Политиканствующие ученые — профессора на каждом шагу оказывали упорное сопротивление советской власти, приступившей к реформированию высшего образования. Эти группы упорно, злобно и последовательно старались дискредитировать все начинания Советской власти, подвергая их якобы научной критике. В области публицистики они гнули ту же линию. Художественная литература, издаваемая в этих кругах, была также антисоветская. В области философии они проповедовали мистицизм и поповщину. Группа антисоветски настроенных врачей усердно фабриковала антисоветское мнение в своей среде... контрреволюционные элементы из агрономов вели ту же работу в своей области... Наконец, некоторые группы этих антисоветских элементов искали тоже сближения с контрреволюционным движением той части духовенства, которая активно выступила против изъятия церковных ценностей...” И, наконец, в сообщении выражалась уверенность, что “принятые советской властью меры предосторожности будут, несомненно, с горячим сочувствием встречены

со стороны русских рабочих и крестьян, которые с нетерпением ждут, когда, наконец, эти идеологические прищипы и колчаковцы будут выброшены с территории РСФСР”.

Врагами были объявлены практически все круги интеллигенции (и гуманитарной, и научно-технической), которую вождь еще в сентябре 1919 года в письме к М.Горькому четко оценил “как интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно” (51; 48).

Нет доказательств того, что Ленин ознакомился с направленным к нему 18 августа 1922 г. отчетом ГПУ:

“Согласно Вашего распоряжения, посылаю списки интеллигенции по Москве, Питеру и Украине, утвержденные Политбюро. Операция произведена в Москве и Питере с 16-го на 17-е, на Украине с 17-го на 18-е.

Московской публике сегодня объявлено постановление о высылке за границу и предупреждены, что самовольный выезд в РСФСР карается расстрелом. Завтра выяснится вопрос с визами. Ежедневно будут Вам посылать сводку о ходе высылки.

С ком. приветом. Уншлихт”.

И приписка: “Все с нетерпением ждем полного восстановления Ваших сил и здоровья”.

В первых числах сентября 1922 года самочувствие Ленина улучшилось, и 3 сентября он внимательно изучает опубликованную в “Правде” статью Ф.Кина “Спецы (Опыт статистического обследования)”, в которой были приведены статистические данные, полученные в результате опроса 230 беспартийных инженеров, работавших в советских учреждениях и трестах, об их отношении к Советской власти, к своей работе, об отношении их к взяточничеству, о том, что они читают и как представляют себе перспективу развития народного хозяйства.

Статью Ф.Кина вождь неоднократно упоминал — в беседах со своим заместителем А.Д.Цюрупой, М.И.Ульяновой и другими. В конспекте предполагавшейся речи на X Всероссийском съезде Советов пометил: “20. Статья Кина”.

4 сентября в Горки приехал Дзержинский, состоялась его обстоятельная беседа с вождем. И 5 сентября 1922 г. “железный Феликс” на страницах дневника составил своему за-

местителю Уншлихту следующее инструктивное письмо (ряд последующих документов из секретного издания “В.И. Ленин и ВЧК” впервые обнародованы мной в статьях “Всех их вон из России”, “Демократическая газета”, № 24, декабрь 1991 г., “Продолжить неуклонно высылку”, “Демократическая газета”, №№ 10, 11, март 1992 г.; “Неизвестный Ленин”, “Народный депутат”, № 17, 1992 год):

“Директивы Владимира Ильича. Продолжить неуклонно высылку активной антисоветской интеллигенции (и меньшевиков в первую очередь) за границу.

Тщательно составлять списки, проверяя их и обязуя наших литераторов давать отзывы. Распределять между ними всю литературу. Составлять списки враждебных нам кооператоров. Подвергнуть проверке всех участников сборников “Мысль” и “Задруга” (“Мысль” — журнал “Петербургского философского общества”, выходивший в 1922 году; “Задруга” — опубликованный в 1922 году отчет общего собрания членов издательского товарищества “Задруга”, посвященного его 10-летию юбилею. — А.Л.).

Верно: Ф.Дзержинский.”

На мой взгляд, слово “верно” подтверждает, что Дзержинский пунктуально записал директивы Ленина. И далее:

“Т.Уншлихт! У нас в этой области большое рвачество и кустарничество. У нас нет с отъездом Агранова лица, достаточно компетентного, который этим делом занимался бы сейчас. Зарайский слишком мал для руководителя. Это подручный. Мне кажется, что дело не двинется, если не возьмет этого на себя сам т.Менжинский. Переговорите с ним, дав ему эту записку.

Необходимо выработать план, постоянно корректируя его и дополняя. Надо всю интеллигенцию разбить по группам.

Примерно:

1) Беллетристы, 2) Публицисты и политики, 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы): а) финансисты; б) топливники; в) транспортники; г) торговля; д) кооперация и т.д. 4) Техники (здесь тоже подгруппы): а) инженеры; б) агрономы; в) врачи; г) генштабисты и т.д. 5) Профессора и преподаватели и т.д. и т.д.

Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интелли-

гента должно быть дело; каждая группа и подгруппа должны быть освещаемы всесторонне компетентными товарищами. Между которыми эти группы должны распределяться в нашем отделе. Сведения должны проверяться с разных сторон, так, чтобы наше заключение было безошибочно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения. Надо в плане далее наметить очередность заданий и освещения групп. Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвигание тех, кто готов без оговорок поддержать Советскую власть. Обратите внимание на статью Кина в “Правде” от 3/IX. Такими обследованиями следовало бы и нам заняться. Необходимо также вести наблюдение за всей ведомственной литературой Наркомзема, ВСНХ, НКФ, НКПС и других. Например, авторы сборника НКФ № 2 “Очередные задачи финансовой политики” явно белогвардейцы, как А.А.Соколов. О принятом решении и выработанном плане сообщите мне. Ф.Дзержинский”.

Итак, “железный Феликс” конкретизировал задачу, поставленную Ильичем: “на каждого интеллигента должно быть дело”. Добавим, что именно на предлагаемое Дзержинским “внесение в ряды спецов разложение” и была ориентирована рекомендованная Лениным статья Ф.Кина “Спеццы”. В ней сообщалось о проведенном обследовании (анкетировании) двух групп специалистов. В первую были включены бывшие собственники, предприниматели, лица, занимавшие в дореволюционные годы высокие административные посты. Во вторую — рядовые инженеры. Автор предлагал ряд мер по дифференциации этих двух групп, поощрению готовых сотрудничать с Советской властью рядовых инженеров.

Темпы высылки тормозила болезнь вождя. Прошло два месяца после письма Сталину, прежде чем появилась на “Рапорте ВЧК о ходе операции по высылке антисоветской интеллигенции 23 августа 1922 года” следующая запись Ленина (почти месяц состояние здоровья вождя не позволяло ему отреагировать на рапорт):

“17/IX. Т.Уншлихт! Будьте любезны распорядиться: вернуть мне все приложенные бумаги с пометками, кто выслан,

кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки? Совсем краткие пометки на этой же бумаге. **Ваш Ленин**".

На следующий день, 18 сентября, на бланке начальника Секретно-Оперативного управления ГПУ Ленину направляется докладная: "Согласно Вашего распоряжения посылаю обратно присланные Вами списки с соответствующими пометками на них и фамилиями лиц (выделенных отдельно), кои оставлены по тем или другим причинам в Москве и Питере. С ком. приветом, Г.Ягода.

P.S. Первая партия уезжает из Москвы 22/IX (в пятницу). Г.Я." (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1245).

В бывшем Центральном партийном архиве сохранилось два списка "кандидатов на высылку" с упомянутыми Г.Ягодой пометками, сделанными по указанию Ленина. Оба отпечатанных на машинке списка — за подписью Л.Каменева, Д.Курского, И.Уншлихта.

Первый список датирован 31 июля 1922 г., на трех больших листах — кандидаты на высылку из Москвы. Второй — без даты, на двух таких же листах — высылаемые из Петрограда. Оба списка дважды побывали у Ленина, второй раз — уже с рукописными записями против каждой фамилии.

Проанализируем первый "Список активной антисоветской интеллигенции (профессура). Москва", состоящий из 67 фамилий. В нем имеются подзаголовки: "Профессора 1-го Московского университета" (2 человека), "Профессора Московского высшего технического училища" (4 человека), "Профессора Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии" (2), "Профессора Института путей сообщения" (1), "По делу Вольно-экономического общества" (1), "Профессора разных учебных заведений" (6 человек, в том числе 2 из Казани), "Список антисоветских профессоров Археологического института" (4), "Общий список активных антисоветских деятелей по делу издательства "Берег" (2), "Список лиц, проходящих по делу № 813 (группы Абрикосова)" (4), "Список антисоветских агрономов и кооператоров" (12), "Список врачей" (3), "Список антисоветских инженеров (Москва)" (6), "Список литераторов" (12). Далее следует "Дополнительный список" из двух частей: "Антисоветская интеллигенция (профессура). Москва" (2) и "Список литераторов" (6).

Против более чем половины кандидатов на высылку имеется пометка: “высылается, на свободе”, иные еще только попали в поле зрения чекистов: “не разыскан”. Имеются и другие пометки. Приведем несколько примеров. Профессор 1-го МГУ В.Е.Фомин: “Высылка отменена пост[ановлени-ем] комисс[ии] 31/VIII-22 г. на основе ходатайства т.Яковлевой и Богданова”. Профессор Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии И.А.Артоболевский: “Перечислен за рев.трибуналом, обвиняется в агитации против изъятия церковных ценностей”. Профессор института инженеров путей сообщения Н.Д.Тяпкин: “Передано дело КРО ГПУ, т.е. в контрразведывательный отдел ГПУ для привлечения к ответственности за контрреволюционную деятельность. Содержится под стражей”. Ректор Археологического института А.И.Успенский, член Французской академии изящных искусств и богословия: “За агитацию против изъятия церковных ценностей приговорен Смоленским ревтрибуналом к 10 годам заключения”. Профессор этого же института Н.М.Коробков: “Освобожден как тяжело больной постановлением комиссии от 31/8-22 г. Последняя стадия туберкулеза”. Известный теоретик кооперативного движения Н.Д.Кондратьев, не вписавшийся в ленинский “строй цивилизованных кооперативов” и уничтоженный впоследствии сталинскими подручными, в 1922 году не был подвергнут высылке, ибо против него “возбуждено дело по обвинению в содействии эсерам”. Против фамилий медиков — пометки, что они высылаются в Вологду, Туркестан или Киргизский край сроком на 2 года для работы по специальности.

Петроградский список кандидатов на высылку содержит 51 фамилию и состоит из трех частей: “Список антисоветской интеллигенции г.Петрограда” (24 человека); “Список членов Объединенного Совета профессоров г.Петрограда” (23) и “Список питерских литераторов” (4 человека).

Открывает список Питирим Сорокин (“Арестован, высылается”). 22 фамилии сопровождаются пометками “арестован, высылается, на свободе для ликвидации дел”, 17 — “не разыскан”. Среди разысканных оказался известный философ С.Н.Булгаков, который отбудет в изгнание в 1923 году пароходом из Севастополя в Константинополь. В своем

дневнике он запишет: “От родины я не должен, не могу и не хочу никогда отказаться и, значит, умираю всю оставшуюся жизнь”. Дела пяти участников Объединенного Совета профессоров оказались переданы военному суду по обвинению в причастности к антисоветской организации. Против четырех фамилий имеются развернутые обоснования со ссылкой на постановление Комиссии под председательством Дзержинского от 31 августа 1922 г. Для Е.С.Канцель “высылка приостановлена впредь до получения от тов.Циперovichа ручательства и обеспечения такового”. А по отношению к писателю Евгению Замятину определена иная мера: “Арестован. Высылка отсрочена впредь до особого распоряжения”. На счастье, Замятину удалось вырваться из Советского Союза в 1931 году, и его не постигла трагическая судьба Бориса Пильняка или Павла Васильева, Исаака Бабеля или Николая Клюева.

В Петроградском списке специально для Ленина сделано примечание: “Согласно решения Политбюро ЦК РКП Комиссия под председательством т.Дзержинского рассматривала ходатайства об отмене высылки лиц, считающихся незаменимыми в своей отрасли, и о которых соответствующими учреждениями делались заявления об оставлении на месте. Зам.председателя ГПУ Г.Ягода”.

Как свидетельствуют документы, не все лица из списков, с которыми разбирался Ленин, оказались высланными. Так же, как не все были высланы из числа упомянутых в ленинских письмах от 19 мая и 17 июля 1922 года. Вождь намеревался выслать близких ему людей. Например, во втором письме фигурировали “Любовь Николаевна Радченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма)”. Любовь Николаевна Радченко — вдова Степана Ивановича Радченко, избранного на первом съезде РСДРП в 1898 году одним из трех членов ЦК и умершего в 1911 году. Несмотря на то, что Л.Н.Радченко с 1918 года совершенно отошла от политики и работала статистиком, Ильич “понаслышке” причислил ее с дочерью к злейшим врагам большевизма. А ведь Любовь Николаевна еще в середине 90-х годов прошлого века вела революционную деятельность вместе с Лениным и Крупской, которая вспоминала, что в 1903 году в Женеву “приехала Любовь Николаевна Радченко, с которой

мы лично были очень близко связаны, разговорам не было конца”. Крупская свидетельствовала также, что в начале 1900 года “Владимир Ильич поселился в Пскове, где жили потом и Потресов и Л.Н.Радченко с детьми. Как-то Владимир Ильич, смеясь, рассказывал, как мальшкы-девочки Радченко, Женюрка и Люда, передразнивали его и Потресова. Заложив руки за спину, ходили по комнате рядом, одна говорила “Бернштейн”, другая отвечала “Каутский”. На подросткую “Женюрку” и обрушил Ильич свой гнев.

Высылка за рубеж не была единовременной акцией, и подвергнуты ей были ученые и литераторы не только Москвы и Петрограда, но и Казани, Нижнего Новгорода, Минска.

Созданная политбюро ЦК РКП(б) комиссия по рассмотрению вопросов о депортации враждебно настроенной интеллигенции 9 августа 1922 г. по представлению Манцева утвердила список представителей интеллигенции Украины, подлежащих высылке. В нем были указаны фамилии 77 человек из харьковских медицинского и технологического институтов, одесской и киевской медицинских академий, группы инженеров, врачей, агрономов из Киева, Харькова, Екатеринослава. На каждого перечисленного в списке была подготовлена согласованная с Наркомпросом Украины развернутая характеристика.

Секретарь ЦК КП(б)У Д.Лебедь 7 сентября 1922 г. докладывал “по начальству” И.Сталину, В.Куйбышеву и В.Молотову, что на Украине “изъято” 70 человек, чтобы часть направить за границу, часть — на север. Правда, ЦК КП(б)У вообще считал “высылать украинских профессоров за границу” нецелесообразным, полагая, что там и так сложилась достаточно сильная эмигрантская группировка, и обратился в ЦК РКП(б) с просьбой заменить эту меру высылкой в отдаленные районы страны.

Арестованных подвергали допросам, предъявляли обвинения в контрреволюционной “деятельности”. Им давалась на подпись соответствующая бумага, согласно которой они подлежали расстрелу в случае возвращения в Советскую Россию. И все это без суда, в административном порядке, волевым решением ГПУ. И хотя в декрете об административной высылке от 10 августа 1922 г. ее сроки ограничивались трех-

летними рамками — устно все предупреждались, что изгоняются пожизненно. Унизительны были материальные условия высылки: каждому высылаемому разрешалось взять с собой одно летнее и одно зимнее пальто, один костюм, две рубашки, две пары кальсон, две пары чулок. Запрещалось брать с собой даже нательный крестик. По свидетельству Михаила Осоргина, “не было разрешено вывезти ни одной писаной бумажки и ни одной книги”. В воспоминаниях Осоргин выразил настроения большинства представителей интеллигенции, подлежащих высылке: “От революции пострадав, революции не проклинали и о ней не жалели; мало было людей, которые мечтали бы о возврате прежнего. Вызывали ненависть новые властители, но не дело, которому они взялись служить и которое оказалось им не по плечу — дело обновления России. В них видели перерядившихся старых деспотов, врагов свободы, способных только исказить и тормозить огромную работу, которая могла бы быть — так нам казалось — дружной, плодотворной и радостной. Смотря вперед, верили или хотели верить, что все это выправится, и потому так мечтали о прекращении гражданской бойни, мешавшей успокоению и питавшей террор”.

По высылке писателей и литературных критиков, в отличие от философов и экономистов, Ленин конкретных указаний, по-видимому, не давал. И отбор в целом носил произвольный, случайный характер. Н. Волковыский свидетельствовал: “Дело было, вероятно, в июле. Однажды прибегает ко мне в Дом литераторов талантливая поэтесса, шалая женщина, хаотичная — и с религиозным, и с коммунистическим уклоном разом. Запирает двери и таинственно-взволнованно говорит: “Подумайте, ловит меня только что идиот (называет имя совершенно невежественного человека, редактировавшего советский театральный журналчик) и спрашивает меня на ходу, не могу ли я ему в двух словах сказать, какие имеются направления в современной русской литературе? Спрашиваю, зачем это ему нужно, а он мне совершенно беспомощным тоном отвечает, что ему “из Смольного” велели подготовить “справку” с направлениями и именами... Побегу к Луначарскому, нельзя же, чтоб неграмотные идиоты готовили для Чеки “справки” по литературным вопросам, да еще с именами!” И ушла так же стремительно, как пришла”.

Подобные же сумятица и произвол существовали и на других “фронтах”.

Высланный редактор закрытых “Летописи Дома литераторов” и “Литературных записок” Б.О.Харитон в изданных в 1923 году воспоминаниях “К истории нашей высылки” утверждал, что списки кандидатов на изгнание составлялись на основе предшествовавшей рассылки “ряду коммунистов, работающих в разных областях интеллектуального труда, детально разработанных анкет по вопросу об общественно-политической деятельности различных интеллигентских групп с требованием назвать фамилии”. Еще одно доказательство, что доноительство уже тогда стало обязательной нормой в рядах коммунистической партии. Впрочем, на XIV съезде партии в 1925 году секретарь Центральной контрольной комиссии С. Гусев имел все основания заявить: “...Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т.е. смотреть и доносить... Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доноительства, а от недоноительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше — идти на доноительство”.

Первый немецкий пароход “Обербургомистр Хакен” доставил в Штеттин несколько десятков изгнанников 30 сентября, второй — “Пруссия” — 18 ноября 1922 г. Дальнейшая высылка проводилась из Одессы и портов Крыма. Всего было выслано приблизительно две сотни деятелей науки и литературы, а вместе с членами семей эта цифра составила более трехсот человек, не считая 62 грузинских социал-демократов, изгнанных из страны в 1923 году.

Иногда пароходы с высылаемыми учеными и литераторами называют “философскими пароходами”, хотя философы составляли меньшинство изгоняемых. Объясняется это особой ролью высланных выдающихся русских философов, которые внесли неоценимый вклад в развитие философских идей XX века. Это Николай Бердяев и Семен Франк, Федор Степун и Николай Лосский, Лев Шестов и Василий Зенковский, Лев Карсавин и Иван Ильин, Иван Лапшин и Борис Вышеславцев. Судьба Льва Платоновича Карсавина сложилась особенно трагично — в 1950 году он был арестован в Вильнюсе, где преподавал в течение многих лет в универси-

тете, и сослан “на исправление” в трудовой лагерь в Коми АССР, где через два года умер.

А сын Н.О.Лосского — В.Н.Лосский, высланный вместе с отцом, стал на Западе выдающимся православным богословом, его наследие сегодня является классикой.

Напомним, что все немарксистские философы, как и экономисты, были для Ленина на одно лицо. Еще до октябрьского переворота он безапелляционно заявлял: “В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов” (18; 364).

За пределами России оказался ректор Московского университета биолог М.Новиков. Тяжелый урон понесла отечественная историческая наука, от которой отлучили А.Кизеветтера и А.Флоровского, В.Мякотина и С.Мельгунова.

Получив от наркома здравоохранения Н.Семашко записку о “важных и опасных течениях” среди медиков, что выражалось в “восхвалении медицины земской и страховой”, в стремлении создать медицинский печатный орган, Ленин направляет 22 мая 1922 г. очередную записку Сталину: “Я думаю, надо **строго секретно** (не размножая) показать это и Дзержинскому и **всем членам Политбюро** и вынести директиву: “поручается Дзержинскому (ГПУ) при помощи Семашко выработать план мер и доложить в Политбюро в... (2 недели?) срок” (54; 270). Можно отметить, что в своей записке Семашко назвал конкретные фамилии врачей — Вигдорчик, Макула — которые Ленин затем привел в своем письме Сталину от 17 июля 1922 г. на предмет высылки из страны — “Вигдорчик (Мигула или как-то в этом роде)”. Хотя сам Семашко был более осторожен: “Что касается верхушки врачей..., то надо согласовать с ГПУ. Не создадим ли арестом им популярности?” Уже после тяжелого заболевания Ленина политбюро дважды рассмотрело “дело врачей”, в результате было принято постановление “Об антисоветских группировках среди интеллигенции”, предписано любые съезды профессиональных и творческих обществ проводить лишь с разрешения ГПУ, которое должно также контролировать все печатные органы; при приеме в вузы отдавать предпочтение рабочим. Уншлихт незамедлительно представил список видных врачей с данными об их неблагона-

дежности. Результатом была высылка не только в провинцию, но и за рубеж ряда высококвалифицированных врачей.

К “идеологическим врангелевцам и колчаковцам” была отнесена значительная группа математиков во главе с деканом математического факультета Московского университета проф. Стратоновым. Как свидетельствовал Н. Лосский, высланный “математик проф. Селиванов был арестован за “буржуазный метод преподавания математики инженерам”. А Волковыский вспоминал: “Почтеннейший и скромнейший учитель математики С. И. Полнер, с которым я неделю сидел в одной камере ГПУ... не мог понять, за что его арестовали и за что высылают. Не разобрался он в этом, тишайший в мире человек, страстный шахматист... и за те немногие годы, на которые судьба сохранила ему жизнь в изгнании”.

У большевистских руководителей, причастных к высылке интеллигенции, существовал свой неофициальный “табель о рангах”. Так, пользовавшийся уже в тот период известностью философ Н. Бердяев, заручившись письменной рекомендацией наркома просвещения Луначарского, ходил, вплоть до собственного ареста и высылки, ходатайствовать за арестованного М. Осоргина перед председателем ВЦИК Калининым. Но “всероссийский староста” огорошил философа, возлагавшего большие надежды на помощь официально первого лица в государстве: “Рекомендация Луначарского не имеет никакого значения, все равно как если бы я дал рекомендацию за своей подписью — тоже не имело бы никакого значения; другое дело, если бы товарищ Сталин рекомендовал”.

Часть подлежащих высылке просто “не потрафили” какому-нибудь влиятельному большевистскому лидеру. Так, 31 января 1923 г. Дзержинский пишет записку начальнику Секретно-оперативного управления ГПУ В. Менжинскому: “При сем “Дни” от 23/1. Прочтите передовицу. Более гнусного трудно придумать. Необходимо за этими “Днями” установить неусыпное наблюдение, выяснить авторов этих статей и всех сотрудников, составить их списки с их биографиями, выяснить, с кем они связаны в России, их родственников и друзей, кто выписывает эти “Дни”, и начать против них беспощадные гонения — выгоняя их за границу. “Дни”

должны почувствовать, что ГПУ еще живо. Я думаю, что необходимо было бы и в прессе нашей охарактеризовать эти “Дни” для того, чтобы поставить их последователей вне закона”.

Почему же так рассвирепел “железный Феликс”, что приказал начать “беспощадные гонения”, “выгоняя за границу” родственников и друзей сотрудников зарубежной эмигрантской газеты “Дни”, ее рядовых подписчиков? Дело в том, что в указанной им передовице от 23 января 1923 г. была раскритикована работа наркомата путей сообщения, которым руководил сам Дзержинский.

И все-таки широких масштабов изгнание интеллигенции за рубеж не приняло. К выслаемым невозможно было выдвинуть какие-либо обвинения, которые восприняла бы западная общественность. Коммунистические руководители впоследствии посчитали, что дешевле и спокойнее “мозг нации” гноить у себя в стране, на Соловках или на Колыме.

Но главная цель, которую еще в 1919 году ставил Ленин — запугать основную массу советской интеллигенции — была достигнута. М.Осоргин, один из основателей Всероссийского союза писателей, вспоминал, как незадолго до своей высылки пришел на заседание союза, где произнес небольшую прощальную речь. Но все, даже близкие друзья, подавленно молчали, и только на улице по одному начали подходить со словами прощания. “И внезапно я догадался, — продолжает Осоргин, — что Союз уже достаточно напуган, что он уже не тот, и будущее его предрешено”.

На следующий год после высылки, в 1923 году в Берлине вышла в свет повесть Осоргина “Татьянин день”, в которой автор утверждал с горькой иронией, что в Германию доставлен “единственный товар, который нынешнее русское правительство поставляет Европе обильно и бесплатно: хранителей культурных заветов России”. А Александр Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ” писал, что “...в конце 1922 года около трехсот виднейших русских гуманитариев были посажены на... баржу?... на пароход и отправлены на европейскую свалку”.